

Андрей Мартынов

Осторожно, двери закрываются

Рассказ

12+

Андрей Валерьевич Мартынов
Осторожно, двери
закрываются

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66538564
SelfPub; 2021*

Аннотация

Это небольшая история о нелегкой судьбе людей, переживших ВОВ. По рассказу деда, ветерана и участника тех событий.

Андрей Мартынов

Осторожно, двери закрываются

Есть на далёкой планете
Город влюблённых людей.
Звёзды для них по-особому светят,
Небо для них голубее.

Белые стены над морем,
Белый покой и уют.
Люди не ссорятся,
Люди не спорят,
Люди друг другу поют.

Посидим, помолчим,
Всё само пройдёт,
И растает гнев, и печаль уйдёт.
Посидим, помолчим,
Не нужны слова.
Виноваты мы, а любовь права.

Если тот город увидишь,
Сразу обиды простишь,

Словом напрасным меня не обидишь,
Ссорою не оскорбишь.

Путь нам навеки осветит
Белого города свет.

Пусть говорят, что на нашей планете
Этого города нет.

Слова из песни.

«Осторожно, двери закрываются», – чётко выговаривает каждый слог приятный дикторский женский голос, – «следующая станция Арбатская».

«Ну, наконец-то», – думаю я, – «доехал. Хоть посижу немного, а то ноги уже ноют».

«Да-а, Москва-а», – мои мысли приобретают эмоциональный оттенок, – «с больными ногами непросто по тебе ходить».

В вагоне метро много пассажиров. Одни стоят и держатся за поручни, другие сидят. Свободных мест нет. Я стою. Не могу сидеть, когда вокруг много женщин. Из открытых верхних частей окон внутрь врывается свежий прохладный воздух и обдаёт лица, шевелит причёски.

Мои мысли улетают в прошлое. Ещё не слишком далёкое, но...

* * *

– Санёк, – вдруг едва слышу я Володькин голос, и он обращается ко мне снова: – Санёк, д-достань.. из кар-мана, – он говорит отрывисто и тихо, – вот тут, – он едва поднимает левую руку к карману гимнастёрки на груди, как бы показывает где.

Я тут же реагирую:

– Володька, лежи спокойно. Я сам.

Я аккуратно отстёгиваю пуговицу на кармане и достаю помятый, сложенный вдвое и заляпанный отпечатками грязных пальцев конверт.

– Т-там.. ад-дрес. Б-будь д-другом, съезд-ди.. найд-ди..

Я читаю адрес на конверте: Карманицкий переулок, Москва.

Володька меня опережает:

– Эт-то мет-тро.. Ар.. батская площ-щадь... в цент-тре...

Я тут же вытаскиваю из планшета карандаш и быстро записываю: М. Арбатская площадь.

– Не волнуйся, я записал. Лежи, – говорю я ему и тут же выкрикиваю в сторону хвоста нашего обоза, – Врача сюда! Скорее врача!

Валентина – наш фельдшер, бежит от повозки к повозке, перебинтовывает, успокаивает, старается помочь каждому раненому, чем может – тут же бежит к нам.

Она быстро опытным взглядом осматривает моего друга:

– Потерпи, мой хороший, немного осталось. Скоро доедем и сделаем тебе операцию. Все будет хорошо. Потерпи,

миленький.

Валя смотрит мне в глаза и поджимает нижнюю губу. Затем едва заметным движением качает головой, даёт мне понять, что уже ничем не помочь...

Я стискиваю зубы и начинаю разговаривать с другом сам, чтобы хоть как-то его возвращать к жизни. А вдруг он дотерпит до лагеря, а вдруг мы его доведём.

У Володьки самое тяжёлое ранение в область живота. Два ранения в грудь и в плечо. Да нога ещё – оторвало почти по самое колено взрывом гранаты.

«Надо же было тебе именно в том месте оказаться!» – это я вспоминаю нашу атаку на строящийся аэродром для дальних бомбардировщиков под Деснянском. – «Ну, какого лаdana ты поперёд всех рванул в те ворота?! Ведь несколько секунд пережди и не попал бы под гранату и автоматную очередь...»

Я мысленно разговариваю с Володькой, а он едва слышно постанывает. Голова при этом бессильно мотается из стороны в сторону – дорога-то не шоссейная.

– Слышь, Володь, – обращаюсь я к нему, – вместе съездим. Вернёмся на базу, отдохнём и ты поправишься. Вместе потом поедем. Терпи, брат!

– Он-на б-будет жж-дать н-на в-втор-рой ск-камейк-ке, – выговаривает медленно друг, при этом его губы трясутся, как будто ему холодно, и он сильно замёрз.

Он потерял много крови из-за ранения. Мы с обозом идём

уже вторые сутки по лесам, после выполненного задания. Возвращаемся на базу.

Много бойцов освобождено из плена, из лагеря, который фашисты построили в том месте. Бойцы там работали под усиленной охраной. Но мы постарались и перехитрили врага. уничтожена взлётная полоса, склады с боеприпасами, топливные цистерны, несколько боевых самолётов. Сколько фашистов уничтожено, трудно сказать. Но они надолго запомнят эту нашу операцию. А ведь там, где аэродром был, сейчас глубокий тыл. Бои уже идут под самой Москвой...

– М-мы с.. с н-ней.. д-дого-в-вор-рились, п-понимаешь? Я об-бещал, – я снова слышу тихий и слабый голос друга.

– Володька, лежи! Молчи! – командую я, и укрываю его ещё и своей шинелью, – Береги силы, брат! Немного осталось.

Эх, знал бы мой боевой друг, что ещё в июле 1941-го...

* * *

– Мамуль, я побежала! – раздаётся из прихожей громкий голос молодой девушки, – Опаздываю. Закрывай.

Хлопнула входная дверь. За дверью застучали по ступенькам торопливые удаляющиеся шаги.

Уже в открытую дверь мать кричит вслед дочери:

– Машка, после дежурства сразу домой, поняла?

Женщина не закрывает дверь, ждёт, пока дочка ответит.

– Не волнуйся, мамуль, – несётся её ответ уже с первого этажа.

Мать услышала ответ, одобрительно кивнула, аккуратно закрыла дверь и пошла на кухню убирать посуду со стола.

Какой-то странный гул нарастал и приближался. Женщина домывала посуду. Вдруг где-то за кухонным окном в вышине засвистело и этот свист очень быстро и постоянно нарастал.

Мать вышла из кухни в коридор между комнатами и пошла в спальню.

Оглушающий звук ударил по ушам спустя пару секунд. В окнах, которые выходили в переулок, тут же разлетелись вдребезги все стекла.

От оглушающего грохота мать упала на колени возле стены коридора закрыла руками уши. Уши сильно заболели. В голове гудело. Если бы не было боли, мать бы услышала крики с улицы – это кричали испуганные и раненые горожане из переулка.

Мать сидела на полу и то закрывала ладонями уши, то пыталась стереть серую пыль с лица, то стряхнуть её с головы. Минут через пять к женщине начал медленно возвращаться слух. В голове все ещё сильно гудело. Она встала с колен и, как пьяная, шатаясь пошла в спальню – ей тоже было пора на дежурство. Она ещё не осознала, что придётся ремонтировать окна, вставлять новые рамы, наводить порядок в квартире...

В ванной не включался свет, сколько она ни щелкала выключателем. Пыль с лица и ушей она смывала в темноте.

Когда женщина зашла в спальню, то наконец почти пришла в себя:

– Там же Машка! Она же только что вышла из дома! – тут же полетели мысли.

Мать бросилась к окну в зале и выглянула в переулок – ни одно из окон теперь не мешало высовывать голову наружу. На улице туда-сюда метались люди. Посреди переулка была огромная яма, которой, казалось, не было дна. Военные и милиция устанавливали оцепление. Две машины скорой помощи отъезжали в сторону госпиталя, точнее больницы, которая была всего в нескольких сотнях метров от места взрыва, на Смоленской набережной у реки Москва. Там работала медсестрой её дочь.

Женщина уже вышла из подъезда наружу и почти бегом бежала вдоль дома к яме, куда угодила бомба.

– Не видели здесь молодую девушку? – обращалась мать то к одному, то к другому милиционеру.

– Не видели здесь девушку в синем платье?

– Женщина, уходите отсюда. Не мешайте! Видите, до метро бомба пробила? Опасно здесь, – наконец ответил один из военных.

После дежурства, уже поздно вечером, мать вернулась домой. Дочь ещё не вернулась. Обломки оконных рам, стёкол и пыли были повсюду на кухне, в зале и в коридоре.

«Господи, как же я этого не заметила?» – подумала женщина, и принялась за уборку.

На улице уже почти стемнело. Где-то далеко в большом городе завывали сирены авианалёта. Откуда-то нёсся шум сирен машин скорой помощи. Света в квартире не было. Убирать в темноте стало непросто.

«Пойду-ка я Машку встречу», – подумала мать.

На улице не горел ни один фонарь. Женщина шла медленно. Она аккуратно переступала через обломки кирпича, кучки мусора, куски досок, которые были повсюду...

Наконец, вот он, госпиталь.

«Ну, хоть здесь свет есть», – подумала мать.

– Скажите, где мне найти дочку?

В госпитале было беспокойно. Врачи и медсестры сновали по коридорам, из палаты в палату и им было не до разговоров с посетителями. В коридорах стояли кровати, на них лежали перебинтованные люди.

«А, вот регистратура», – увидела надпись мать, и подошла к небольшому окошку, за которым что-то быстро записывала в журнал девушка лет 18-ти.

– Скажите, где мне найти Машу? Дочку мою, – спросила и пояснила свой вопрос женщина.

– Маша в 12-ой палате.

Дежурная медсестра даже не подняла головы. Она продолжала что-то записывать, а мать не обратила внимания на то, что девушка ответила мгновенно.

«Номер 8, 10-ть. Вот! 12-я», мать шла по коридору.

В след ей выглядывала в небольшое окошко регистратуры дежурная – это была одноклассница Маши. Она узнала мать. Она уже знала, что произошло. Но она не знала, как сказать матери об этом...

* * *

– Ма, ты точно никуда не уйдёшь? – спросила девочка лет 10-ти стройную девушку в темных очках, с которой пришла на станцию метро.

– Нет, нет, солнышко. Никуда не уйду. Буду ждать тебя. Ты иди, не переживай. Если что, я дежурную попрошу помочь.

– Ладно, мамуль, я буду через два часа. Репетиция закончится, и я приду за тобой.

Девушка в темных очках села на вторую лавочку возле колонны. В метро было прохладно, не так, как снаружи, где раскалённые бетонные джунгли обдавали своим жаром, как в банной парилке, и было трудно дышать этим горячим воздухом.

– Тётъ Нин, посмотрите за мамой, ладно? – попросила девчушка дежурную по станции, когда проходила мимо неё.

– Не переживай, Сонь, не в первой, – ответила дежурная и проводила девочку взглядом, а потом тихо и протяжно добавила: – Сколько уж лет прошло. Эх, вот судьба, – и тяжело

вздохнула.

* * *

Я продолжал идти рядом с телегой, на которой лежал мой тяжелораненый друг. Рессоры скрипели на каждой кочке и ямке лесной дороги. Лошади шли с понурыми головами – сильно уставшие. Был октябрь 1943-го.

«Хоть бы животные выдержали», – думал я, – «ведь техники у нас нет. Дойдём, нужно будет обязательно дать им хорошенько отдохнуть».

– Санек, – вдруг слышу тихий голос друга, – там выход в сторону улицы «Коминтерна». Мы часто ходили с ней в «Художественный». Это кинотеатр возле метро. Там ещё рынок рядом. Когда билетов не было, мы в метро прятались от дождя. Сидели на второй лавочке.

– Согрелся, братишка? – обрадовался я хоть и тихой, но уже плавной речи друга.

– Да, согрелся. Отпустило немножко – не так уже болит. Друг говорил и смотрел на меня не отводя взгляда.

– Знаешь, какая она у меня хорошая! – на лице Володьки проявилась едва заметная улыбка.

Я решил поддержать разговор:

– А что вы на второй лавочке-то сидели? Почему не на 3-ей? Не любите нечётные числа? – попробовал пошутить я.

– Да на 1-й как-то не так удобно было, а дальше идти не

хотелось. Хотелось поскорее обняться, мы частенько успевали промокнуть под дождём. А в обнимку теплее.

– А зовут-то как твою подружку?

– Мария.

– Маша, значит, – кивнул я другу.

Друг снова улыбнулся и продолжил:

– Я тут уснул и, знаешь, интересный сон видел.

– А ну, давай, давай рассказывай!

– Яркий солнечный день. Тепло. Лето. Небо голубое-голубое. Лёгкий ветерок. Мы с Машей гуляем. Идём от Карманницкого переулка, где мы жили до войны, мимо нашей школы в сторону «Художественного». А из школы выбегает девушка лет восьми и с распростёртыми объятьями к нам кидается и обнимает.

– Так у вас дочка есть? – интересуюсь я.

– Да не успели, – отвечает друг, – но во сне почему-то мы были одной семьёй.

– Так вы расписались? Успели?

– Нет, не успели. Только заявление подали в ЗАГС.

– Да, да, там срок на обдумывание дают. Сразу не расписывают.

Я достал из планшета свой блокнот и быстро записал название улицы и переулка, про рынок возле кинотеатра и про школу.

– Вот, видишь, – говорю ему я, – скоро уже доедем. Потом подлечимся и вместе в твою Москву любимую поедем.

Я стараюсь говорить бодрым и весёлым голосом. Мой друг лежит, не шевелится и смотрит мне в глаза спокойным и уставшим взглядом.

– Что-то в сон клонит, – говорит он.

– Вот и хорошо. Ты поспи, поспи. Нам ехать осталось пару километров.

Володька закрывает глаза. Я иду рядом, поёживаюсь – все-таки не лето.

Чтобы согреться, я решил остановиться, попереступить с ноги на ногу и немного попрыгать. Прыгаю и хлопаю себя руками по бокам. Потом догоняю телегу, смотрю, Володька уснул. По крайней мере, глаза закрыл и не разговаривает.

* * *

«Станция Арбатская», – чётко выговаривает диктор в вагоне метро.

Я выхожу из вагона и прохожу немного в середину станции, в проход между резными колоннами. Оглядываюсь по сторонам.

«Какая из этих лавочек вторая?» – размышляю я, – «с той или с этой стороны?»

Потом смотрю на вывеску над головой, на ней указатели. Читаю.

– Так, а почему нет улицы имени Коминтерна? – я не замечаю, что произнёс эти слова вслух.

– Так переименовали Коминтерна в имени Калинина. Ещё в 46-ом, – говорит мне один из прохожих и, по всей вероятности, москвич.

– А в какую сторону Калинина? – быстро реагирую я на ответ прохожего.

– Идёмте за мной. Я вам покажу.

Я стараюсь догнать прохожего, но он молод, и его ноги, видимо, в болотах не мёрзли. Мои так быстро уже ходить не могут.

Так мы проходим почти всю станцию. Смотрю, прохожий, наконец, остановился, чтобы дождаться меня.

– Вот сюда выход на Калинина.

– Спасибо вам огромное! – благодарю я.

– Не за что, – улыбается молодой человек, поворачивается и уходит в сторону эскалатора.

Я снова оглядываюсь. Почти весь народ со станции уже ушёл. Стало тихо и пусто.

Возле колонны с правой стороны на лавочке сидит какая-то девочка. В руках у неё книга. Никакой женщины на второй лавочке не видно.

«Может, посидеть и подождать?» – думаю я, а сам почему-то не отворачиваю взгляда от ребёнка с книгой. Она это заметила и тоже смотрит на меня, но книгу не закрывает и не убирает.

«А ну-ка я у неё спрошу», – и я иду к девочке.

Она кладёт книгу на сумку, точнее портфель, который ле-

жит рядом, взгляд от меня не отворачивает и медленно встаёт.

Подхожу. Освещение на станции не слишком яркое, но черты лица видно хорошо. Девочка смотрит на меня как-то странно. Хотя, может, это мне только показалось. Но её красивые глазки быстро бегают с одного моего глаза на другой, лобик слегка наморщился, крохотные бровки немного нахмурились, и она как-то слегка прикусила нижнюю губу, которая к тому же начала чуть подрагивать.

Она ждёт, что я скажу, а я остановился и забыл, что хотел спросить, и даже немного растерялся почему-то.

– Скажите, – начинаю я, – здесь, вот тут, – я пытаюсь найти правильные слова, чтобы не запутать ребёнка, – на второй лавочке...

Снова ищу слова, но меня как переключило – стою и молчу. Выручил ребёнок:

– Вы маму ищите? – она говорит медленно и слегка дрожащим голосом, – Вы мой папа?

Я зачем-то полез в карман пиджака за письмом, которое мне дал Володька, а сам вижу: на глаза девочки навернулись маленькие слёзки. Она не смогла дождаться моего ответа и крепко обняла за талию своими маленькими ручками.

– Мама говорила, что ты приедешь, – а сама всхлипывает, но из объятий меня не отпускает, – Мама всегда верила, что ты приедешь! Что ты вернёшься! Что же ты так долго не ехал? Мы почти каждый день здесь тебя ждём... папка!

– У вас все в порядке? – слышу я голос женщины слева от себя.

Это подошла дежурная по станции.

– Тётъ Нин, – девочка бросается обнимать дежурную, – вот видите: папка-то вернулся!

– Ой, боже ты мой! – вскрикивает женщина, и смотрит внимательно на меня, – Вас как зовут?

Видимо, она поняла, что по возрасту я должен быть старше мамы девочки лет на десять. Она знала, что Володя и Мария были одноклассниками.

– Простите, – тихо отвечаю я дежурной. Мне очень не хотелось расстраивать ребёнка, но я набрался сил, стиснул зубы и продолжил, – я, вот, по просьбе друга. Вот письмо.

Я протягиваю письмо женщине, она берет его, читает адрес, имя:

– Так это ему письмо, – делает ударение на слове «ему» дежурная, – От Маши. Правильно, Сонь? – и Нина показывает письмо девочке.

– Это бабушка подписывала, – девочка поворачивается ко мне, – а мама диктовала. Она же не видит.

В голосе ребёнка появляются другие нотки – нотки огорчения. Соня опускает взгляд, поворачивается к лавочке и начинает складывать свои вещи в портфель. Но вдруг что-то вспоминает и обращается ко мне:

– А где папа?

Она стоит, замерев, и не отворачивает от меня взгляда.

– Давайте я вам всё расскажу, только не здесь, не в метро, хорошо?

– Тогда идёмте к маме.

– А далеко мама?

– В больнице лежит. У неё осколок под сердцем зашевелился.

– Хорошо, идём, отвечаю я, а сам думаю: «Боже, и Маше досталось».

– А как вас зовут?

– Меня зовут дядя Саша. Я с твоим папой воевал.

– А где же папа? Почему он так давно не пишет? – с горечью в голосе произносит Соня, – И не едет домой...

* * *

Наш обоз поворачивает вправо и этот поворот последний перед нашим лагерем.

Я не иду рядом с телегой, а бегаю трусцой туда-сюда, чтобы согреться. Каждый раз, когда пробегаю мимо Володьки, смотрю, не проснулся ли.

«Спит», – думаю я, – «Вот и хорошо. Пусть лучше спит, чем мучается».

Вот нам навстречу уже вышло несколько человек. Они помогают расставить обозные телеги, перетаскать грузы, снять раненых, распрягают лошадей и отводят их в крытое стойло.

Я подхожу к телеге, на которой спит Володька. Санитары откинули шинели с груди друга и начали осматривать. Тро-

гают лоб, щупают пульс. Один из санитаров расстегнул гимнастёрку Володьки и приложил ухо к его груди, прислушался. Затем достал маленькое круглое зеркальце и поднёс его к губам моего друга. Подержал немного и повернул к себе лицевой стороной.

– Все, – были его слова, – уже не дышит. И пульса тоже нет...

* * *

За уничтожение вражеского аэродрома дальних бомбардировщиков, за бой под Деснянском весь наш партизанский отряд был представлен к наградам.

Моего Друга Владимира М. наградили орденом «Красной звезды».

Все его награды и неотправленные письма я передал его супруге и дочке.

Во время одного из авианалётов на Москву в июне 1941-го Мария получила сильные ранения. Из-за попадания в глаза мелких осколков, пыли, земли, мусора она ослепла. Зрение ей вернуть не смогли. Но на протяжении многих лет она ходила на станцию «Арбатская» и ждала своего Володю на второй скамейке у выхода, как они и договаривались.

Они договорились там встретиться, потому что пережидали, что из-за эвакуации могут друг друга не найти после войны. Да и в метро вдвоём ещё теплее...

Светлая память павшим в боях за Родину!